

Катя единственная из всего притона пока имеет работу — грузчик на овощном складе. Смешливая короткостриженная блондинка, 28 лет, косолапит. (В притоне, кстати говоря, к Кате относятся со сдерживаемым презрением. Во-первых, ВИЧ+, да еще и отрицает. Во-вторых, лесбиянка.)

Бензин «неработанный» — его ставят в углу, продышаться. Начинают готовить дозу. Лида идет раскатывать таблетки седала банкой, на ходу вырывает лист из собрания сочинений Василия Федорова — подстелить. Паша, плеснув в тарелку «муравьишки», счищает с боков спичечных коробков фосфор зубной щеткой. Яна идет взбалтывать баллон с ингредиентами в комнату.

Снег за окном, на стене, под зеркалом, — алфавит с картинками: принцессы, птички, часики, варежки. Алфавит Танин, ободок со стразами в волосах Яны — тоже ее.

Тане — дочке Яны и Паши — восемь лет, и по решению органов опеки она уже полгода находится в приюте. Скоро девочку переведут в детский дом, и этого Яна панически боится. «Но ездить к ней можно, ездить к ней разрешают. Она там в школу ходит, в первый класс, — объясняет Яна. — Может быть, ей там и вправду лучше, как инспектора говорят. Но нельзя ее в детский дом!»

В комнату заглядывает Лида и тут же, вежливо улыбаясь, выходит. Ее девятилетний сын Ваня тоже в приюте, но говорить об этом Лида не хочет. Отец мальчика вот уже два года как в тюрьме, 228-я — хранение и распространение. Как он сидит и когда выходит, Лида не знает: «Связь с ним потеряна всякая».

Яна стоит у самодельных весов, сделанных из шприцов и л'этуалевских карточек. Получившиеся ингредиенты взвешиваются, определяются пропорции. В качестве гирек используются спички. Быт наркоманов очень экономичен.2.

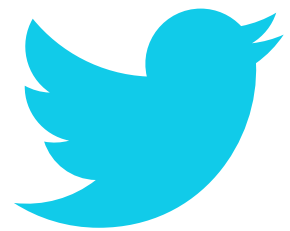
Через 10 минут раствор готов. Дымится, пахнет малиновым морсом. Лида осторожно выбирает жидкость шприцем через сигаретный фильтр. Из шприца разливает по личным шприцам каждого — по полтора куба. Теперь нужно разбавить «тропиком» — тропикамид, капли для глаз. «Тропик» усиливает эффект, но делает его более коротким.

Он очень дорогой — 150 рублей, но после одного применения чистым крокодилом колоться уже невозможно. За «тропик» вечно идет война, и каждый хранит свой пузырек ближе к телу: Яна — в носке, Паша — в кармане спортивных штанов, Лида прячет под топилом. Шприцы у каждого тоже свои, так безопаснее. У всех — гепатит С, но «вичовых нет» — если Катю с ее сомнительным статусом не считать. Шприцы хранятся в пачках из-под чая — «Принцесса Нури», приятного чаепития. Колотся инсулинками — тонкая, короткая игла.

— Паш, вмажь меня, — просит Лида. Склоняет голову набок, замуривается и, набрав полную грудь воздуха, затыкает нос. Паша примеривается и медленно вводит иглу в шею до основания. Подождав, вытаскивает до половины, вводит снова — ищет контроль. Находит, давит на поршень.

— Пашка, дуешь, — причитает Лида, не открывая глаз. — Дуешь, дуешь, дуешь!

Если не попасть в вену, раствор жжется огнем.

Паша вынимает иглу, вытирает пальцем струйку крови, примеривается к синяющей вене, втыкает снова.

Когда крокодил оказывается в вене, «начинается чернота». Все мышцы расслабляются, все мысли исчезают, перед глазами поднимается тьма. «Ничего нет, и тебя нет тоже, — вполголоса объясняет Яна. — Только ощущение, что все в мире правильно». Ни эйфории, ни галлюцинаций. 20 минут несуществования.

Второй отрубается Катя. Паша долго ощупывает бока — вены на ногах ушли, вены на руках ушли. Наконец, примеривается и тоже уходит. Остается Яна — напряженная, скрюченная, конец жгута зажимает ртом.

Яне некуда колоться. Распухшая левая рука от запястья до плеча багрово-фиолетового цвета, короста, из-под которой иногда выступает гной. Правая рука в «дорогах» — синяках вдоль вен и шишках — «часть рассасывается, часть нет». Ноги в кровавых потеках — в них Яна пыталась вмазаться утром.

«Видишь, ей хорошо, а мне ни о чем», — говорит Яна зло, кивая на Лиду. В шею может вмазываться только человек в нормальном весе. У Яны и Паши шейные вены уже ушли глубоко, не достать. Последний раз Яна взвешивалась зимой. Было 37 килограммов, но сейчас она еще худее.

Яна ощупывает себя равнодушно, как мясо на прилавке. Наклоняется, прощупывает каждую жилочку. Наконец зажимает запястье правой руки между ногами. Через минуту выпрямляется — вена лопнула, не получилось, начинает искать снова. Иногда это продолжается часами, но сейчас Яна справляется быстро, минут за пятнадцать. Как раз просыпается Лида.

После дозы хочется пить. Лида ставит чайник, в кружки ложками ссыпается сахар. В день сахара уходит несколько килограммов. Чай пьют быстро, быстро курят. Времени немного — надо готовить следующую дозу. Через 1,5 часа начнется ломка, перенести ее невозможно. Раствор готовится примерно столько же. Хранить его нельзя.

Поэтому крокодилы живут «гнездами». Процесс варки должен идти непрерывно.

Яне 32 года, но выглядит она на 50. Черная кофта, черные блестящие бриджи. Очень худая. Ходит Яна странно. Равновесие она держать не может, и поэтому «летает» — падает назад или вперед, едва успевая подставлять ноги. Чтобы остановиться, ей нужно врезаться в стенку.

Вот и сейчас она летает по квартире, пытается провести уборку. Сил хватает на

вытереть пыль с телевизора и положить использованные страницы в мусорный пакет.

Все трое учились в одной школе. В 14 лет Пашу посадили «за кражу госимущества» — воровал жетоны в таксофонах. Отсидел весь срок, вышел в 18 лет.

Толком-то познакомились на вечеринке.

— Когда меня в 19 по 228-й посадили, Паша пообещал моей мамке, что письмо напишет мне. Ну, переписка завязалась, посылку мне послал, письма мне писал еще. Прислал свои фотографии. И цыганка из наших эчек мне сказала: ой, какой красивый, будете вместе. И вот столько у меня друзей было, столько ухажеров, а осталась я с ним.

У Яны звонит мобильный, коротко переговорив, идет открывать дверь. Пришел Ваджик. Ему негде «вариться», ходит сюда. В благодарность доза делается на всех.

— Он мне должен 300 рублей, — предупреждает Лида Пашу.

— Ну сейчас 400 с него возьмем на аптеку, а потом долг свой забирай.

Короткие переговоры в коридоре — и Катя уходит: нафтизин, инсулинки, пятикубовый шприц.

Ваджик на крокодильщика пока не похож — молодой стриженный парень, узкие джинсы, ремень с большими буквами HugoBoss, чистые ногти.

— У дочки взял пятачку на лошадей, — объясняет. — Сп...ил, получается. Она же занимается у меня, знаете? В пятницу вот не выдержал, взял.

— Ты мне должен, — напоминает Лида. — Давай сюда.

— Ну четыреста я отдал уже. А триста попозже. Располовинь.

Обсуждают какого-то общего Дениса, которого на притон пускать не стоит: заделался ментовским.

— Может, отойдешь от окна? Распелся, — говорит Лида.

— Какие все нервные, боже мой.

— Ты базар свой отключи на фиг, — говорит Паша Лиде. — Ваджик, че там с работой ты говорил?

Ваджик довольно кивает:

— Смотри, Хмельницкого, 146. В этом же доме, с обратной стороны, там цех в подвале. Станок стоит распиловочный. Работаешь с 10 до 9 или хоть до 11 — как захочешь. Игорь, начальник цеха, каждый день там в обед. Приедешь часов в 12, он там по-любому будет. Если чё, только не от меня, чтобы я в говне не был. А ты приедешь?

— Постараюсь.

— Хорош колоться, умрешь же на... — говорит Ваджик, вмазываясь. — От тебя до работы 20 минут пешком всего. Вот у тебя есть желание?

Паша кивает.

— 15% от заказа. Там нормально выходит, только не колоться. Пацан, который шеф, все палит. Потому что сам кололся раньше. И мне уже предъявлял. «Ваджик, чё такие глаза?» Я говорю такой злой, типа: какие глаза, не спал три ночи. Вроде схавал...

После укола Ваджика дружно начинают гнать.

— Ваджик, уходи, — начинает Лида. — Шары свои зальешь и борзеешь. Твое присутствие бесит.

— Такая же фигня, — отвечает Ваджик равнодушно.

— Бл... вот чё за человек такой, — вторит Яна. — Тебе же сказали — уходи.

— Ты тут сидишь, и если менты придут — будет нам организация притона, — объясняет Паша.

НОВИНИ ПАРТНЕРІВ

РЕКЛАМА

Ваджик не уходит, ему хорошо. Разглагольствует ни о чем.

— А помнишь, я васю одного выцепил, - начинает Ваджик. - Он сначала нормально делал закладки, потом кидать начал. Но постоянно адреса давал в начале Гагарина. А там дом такой - один подъезд, два этажа. И вот все вокруг него. То с балкона падает, то в подъезде на первом этаже заныкано. Звоню ему потом - не кидай меня больше, знаю ведь, где живешь, приду.

— А если не его адрес? — сомневается Паша. — Они ублюдки вообще — к друзьям, к соседям заходили сбрасывать.

— А как-то положили за почтовый ящик. Пока искали, весь ряд сняли, — хвалится Ваджик. — Или вот еще было. Закладка в трубе, труба из земли торчит, то есть один конец в земле. Я пальцами лезу, а пакетик вниз дальше уходит. Андрюха полчаса веточкой выковыривал. А тут еще бабки как назло. Все им интересно. Котенок, говорю, от нас сбежал, а сам на кумарах, трясет.

Паша шикает. Квартира на первом этаже, и с улицы слышимость очень хорошая — в кухонном окне огромная дыра, стекло разошлось трещинами. Стекло выбивала милиция под новый год, когда приходили искать в притоне человека.

Наконец Ваджика выгнали.

— После Ваджика пить нельзя, у него глисты походу, — лениво говорит Лида. — Катюш, помой кружечки.

Когда крокодил только появился, по городу ходило много мифов. Среди прочих — что его с помощью можно быстро слезть с героина. И это, в общем, правда: дезоморфин снимает героиновую ломку. Но обратно на героин перейти уже не получается — крокодиловую ломку может снять только крокодил, и человек обречен жить в непрерывном цикле.

Практически нет людей, которые начали употреблять крокодил «с нуля». Просто однажды оказывалось, что дозу героина достать невозможно, наступала ломка. Тогда решали «сняться» — один раз, конечно.

Дезоморфин приспосабливается к любым условиям, у него минимальные требования. Наркотик бедных городов. Больше не нужны дилеры, оптовики, курьеры, маршруты через границу, завязки в правоохранительных органах. Только чистая, беспримесная зависимость.

Все «новички» сейчас сидят на другом наркотике — солях. Соли, в отличие от крокодила, оказывают будоражающий эффект и вызывают сильные приступы паранойи. Соли убивают еще быстрее, чем крокодил: через две недели употребления начинается энцефалопатия.

— Юля, дура, не звони, б... — устало говорит Яна в телефон. — Зачем? За мясом! Ты меня выведешь. Я тебя оглашу на все Шаповское. Если ты приедешь, я тебе ебучку разобью.

Из-за Юли неделю назад в квартиру пришли менты. До этого притон в их базе данных не числился.

— Эта дебилка украла телефон, где ночевала. Сенсорный, хороший, — объясняет Лида. — Принесла нам, я дала за него две дозы — сама она варить не умеет. А потом ее взяли. Так она сдала все расклады — где, кому, что.

— Ну то есть ей в отделе чемодан устраивали — голову привязывали к ботинкам, — уточняет Паша, поморщившись. — Стоишь так, и за 15 минут чемоданом себя чувствуешь. Слоника еще потом — противогаз на голову одевают, и воздух закрывают рукой. Ну и что, мы-то тут при чем.

Теперь звонит телефон Паши — Яна закатывает глаза. Юля звонит не извиниться — Юле нужна доза. Но «ментовскую» не вмажет никто — а вдруг контрольная закупка. Юля звонит еще четыре раза.

Дурная слава уже пошла по городу, поэтому людей на квартире у Яны и Паши почти нет. В обычном притоне одновременно находится десяток человек. Соблюдается живая очередь — кто-то готовит ингредиенты, кто-то уже варит, кто-то вмазывается.

Но в запаленный притон стараются не ходить.

Госнарконтрôль по дезоморфину не работает — мелко. Крокодил — вотчина НОНа, «незаконный оборот наркотиков», отдел городского УВД. Вот нововцами и была произведена контрольная закупка, если это можно так назвать.

— Заходит молодой парень, представляется — Руслан, показывает документы, — спокойно рассказывает Лида. — Меня отводит в сторону и объясняет: или добром оформляем контрольную прямо сейчас, или через полчаса я толпу приведу. Отвезли затем в стакан милицейский, все оформили, как будто бы я их внештатнику Андрею дозу продала. И меченые деньги, и бумаги, и понятия, все зафиксировали. Вчера он приезжал, паспорт мой завозил — его изымали для ксерокопий. Теперь суд будет. Добровольно на контрольную разве пойдешь?

— Лет 6 будет, наверное, — уточняет Паша. — Но тебя хоть не били.

— И говорит: я вам одолжение делаю, спасаю вас. Вы или сдохнете, или отсидите-перекумарите. Пусть так, но зачем срок? — Лида плачет.

Пока варят новую дозу, Катя успокаивает Лиду. Лида тут единственная не сидела, а вот Катю судили трижды, и ей есть что рассказать. В 24 — грабеж, условно, потом воровство — 3 месяца поселения, затем опять воровство — 2 года общего, сейчас под условным.

Судя по Катиним рассказам, что на зоне, что в интернате, где она росла, примерно одинаково. «Когда первый раз попадаешь, да, другой мир, по-другому все живут, другая школа выживания. Но как себя поставишь, так и будет, — размеренно объясняет Катя. — Такая же жизнь, как и в реальном мире, только за решеткой. Форма одежды не своя, другие порядки, дисциплина, работаешь-работаешь на швейной фабрике днем, а вечером моешься. Чистота и дисциплина — самое главное в жизни».

— Катя, домой не собираешься что ли? — интересуется Паша.

— Вот завтра на складе отработаю и пойду.

Катя живет в двухкомнатной вместе с мамой, отчимом, двумя сестрами, дедом и 2-х месячной племянницей.

— В 14 лет я уже дома могла жить, могла не жить. С родителями спорила. Потом с одной женщиной познакомилась, она плотно сидела на героине. Трое детей, маленькому полгода. Я сидела с ним. Потом надо было ребенку этому лечь в больницу, и я легла тоже, потому что мама его на кумарах. Потом тоже решила попробовать. Попросила ее, она мне сделала две точки. Первый раз страшно было, потом понравилось. Быстро работаешь, бегаешь туда-сюда, нормально. Я же не плотно, не как они — целыми днями.

— А когда мы ей первый раз иглолку к вене поднесли, она в обморок грохнулась, — усмехается Яна.

— Хотела учиться на штукатурка-маляра. Но по блату устроили на ламповый завод, выучилась на цоколевщицу. А работаю грузчиком. Знаешь почему? Мать пьет с отчимом, и бывают драки. Мне работа позволяет физическую форму держать. Я дай бог сильнее, могу отпор дать, защищаю младшую сестренку, старшую. Отчим алкоголик, как напьется, держать себя в руках не может, обзывается начинает, и ему постоянно попадает от меня. Не могу терпеть оскорбления в свой адрес.

Паше чуть за 30, но он совершенно сед. Красивый, темные внимательные глаза. Все не забывает Ваджиков вариант, примеряет на себя.

— На стройках был бригадиром — 40 человек под началом, я только освободился, самый молодой. А когда зарплату задерживают, на объект по 10 тысяч дают, и разруливай как знаешь. Ну, выдаешь парням по тыще, себе, конечно, больше берешь. Только на мобильный по 300 три раза в неделю клал. Вот рабочие забухали, я тоже с похмелья — нет, приходишь, убеждаешь выйти на работу. Лидерские качества у меня — по крайней мере, были.

У меня и в тюрьме три соседа было, я жил человеком. Крикнешь в окно: «Тюрьма, тюрьма, дай мне погоняло, кумовское, воровское!» Ну и орут в ответ: лысый там,

кирпич. И всегда угадывали. Парни просят: песню спой. Я пою, и тут атасник идет. Хату размораживают, вохра забегает, раз - отфигачили. Пацаны такие: из-за тебя. Но сами же просили. Били нас прутиками, дубинками, чтобы синяков не было. К оперу как ведут - киянкой обязательно по жопе давали. Хачики в охране ходили - Аниф и Ворон. Один держит, второй фигачит. У Ворона еще привычка такая - сначала криком пугает, потом фигачит.

Сам Паша уверен, что еще выкарабкается.

— Руслан, ноновец, подходил ко мне тоже тогда. Спрашивает — за сестренку в тюрьму пойдешь?

— И что ты сказал?

— Сказал — нет.

Приходит Дамир, приносит лимонад. Страшно хромает — «с жадности» задул десять кубиков в вену на ноге, и теперь нога гниет и требует уколов уже настоящего обезболивающего. Хвастается, что лимонад «натуральный, никакой химии».

Сейчас Дамир колется в «метро» (широкие вены под мышками — Е. К.). По тыльной стороне рук уже пошли красные опухшие потеки — крокодил быстро разрушает организм. Вены воспаляются изнутри, синяки загнивают, из-под кожи выходит гной. Быстро меняется цвет лица на серо-зеленоватый, крошатся зубы, нарушается походка. Первыми почему-то убиваются легкие — двусторонние пневмонии у крокодилщиков через одного. И крокодилщики умирают не от передозов — от «общего заболевания», когда внутренние органы отказывают один за другим.

Вмазываются. На 20 минут квартира погружается в тишину.

Лекарства кончились, мы идем в аптеку.

— Ругаемся каждое утро, — говорит Яна. — Никакой любви уже не осталось — привычка просто. Сремся из-за ничего. Я его бешу, он меня бесит. С Лидой сколько раз дрались. За волосы ее таскаю. Просто она не понимает, что мне сложно вводить. Я еще первый кубик ввожу, а она уже вмазалась, уже отвисла и говорит: сначала свари нам следующую дозу, а потом колись. Ну и таскаю ее за волосы.

В первой аптеке у равнодушной провизорши покупаем 20 таблеток. «Тут дешевле, — объясняет Яна. — Всего 128, в другой было бы 160».

Другая аптека — через дорогу. Худощавая, с короткой стрижкой, лет 40 аптекарша вежливо улыбается навстречу.

— Давно у вас не была, — здороваются Яна.

— Да уж, — улыбается аптекарша. — Лечились, что ли?

— Так вы сказали, что у вас нет ничего.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

16 апрель 2012

Жизнь «гнезда» (ФОТОРЕПОРТАЖ) 2986

— Есть уже все, кроме тропика. Ну и седал-м разобрали уже сегодня.

За 16 рублей покупаем 5 инсулинок. Встав у ларька, Яна неспешно сдирает упаковку, прячет шприцы во внутренний карман. «Менты могут отобрать», — поясняет.

«Тропик» идет покупать Катя. Тропикамид продается по рецептам, но все крокодилщики знают три аптеки в районе, где можно купить так. Поэтому ввод рецептов на кодеинсодержащие, который планируется летом, никого не пугает. «Как торговали, так и будут торговать, — пожимает плечами Яна. — Да и до лета доживут не все». Планировать что-то дольше, чем на неделю, бессмысленно. Будущего нет.

— Сейчас хорошую кофточку запачкаешь, — говорит Катя. — Симпатичная кофточка какая, ай!

Лида методично отдирает корку от левого плеча, течет кровь. На плече был ожог. На кухне очень греет батарея, и в бессознательном состоянии к ней все «приваливаются и привариваются». У каждого есть несколько шрамов. Постелить на батарею тряпку, да все как-то не до того.

- Ты чем это колешься, Катя? - уточняет Лида.

- Смывы колю. С боков фурика намыла.

У Кати уходят вены. Руки уже исколоты до локтей. Катя то и дело снимает иглу со шприца и ковыряется внутри спичкой - вычищает свернувшуюся кровь. Матерится, краснеет.

- А в ногу что не колешь? - интересуется Яна.

- В ноги? Да вы че, никогда в жизни!

- Так вон из большого пальца вена торчит. Пошевели иглой там.

- Да где?

- Ты с тропиком колешься?

- Да.

- Смывы колешь?

- Я боюсь эти вены трогать, они лопаются.

- Если аккуратно, то возможно. Это с виду так.

Катя начинает тихо плакать. Шприц трясется в руках.

— Паш, уколи Катьку, — просит Лида. Но Паша сначала вмазывается сам, а потом с полузакрытыми глазами начинает искать вену на руке у Кати.

— Вот эта ушла, а в эту не могу попасть, — объясняет Катя. — Паш, п...ц, она надувается!

— Перетяни жгутом, чтоб шишки не было, — говорит Паша и засыпает.

Катя перематывает руку и морщится.

- Вот так мне тоже парень задул, 2 дня с рукой ходила, температура 41. В 31ую больничку зашла и в холле сознание потеряла. Ни тела, ничего не чувствовала. Рука раздулась, вскрывали. Руку спасли.

— Паша говорит, что дома сможет перекумарить. Сидим иногда, мечтаем, громкие слова друг другу говорим. Вот в ноябре у него пневмония началась, чуть не помер. Начал глючить уже. Врачей в подъезде на коленях умоляла: заберите его в больницу. Не взяли. Про Танюшку с ним разговаривали, про все.

Сама Яна в начале зимы ложилась в клинику на детокс. Бесплатно детокс могут получить только состоящие на учете, за анонимность нужно заплатить 17 тысяч. На детокс в принципе лечь непросто — нужно сдать анализы, выждать двухнедельную очередь. Чтобы крокодильщик мог перенести ломку, его обкалывают барбитуратами: «Спишь неделю — просыпаешься: и ты уже как бы независимый». Но психологическая зависимость остается. Яна укололась сразу же, как вышла из клиники.

Программы избавления от психологической зависимости есть в областном реабилитационном центре. Но попасть сразу после детокса туда невозможно — нужно заново сдавать анализы, заново стоять в очереди. Поэтому после детокса дезоморфинщик возвращается обратно в притон. Без деятельных родных слезть практически невозможно. Родных у дезоморфинщиков, как правило, не остается. У многих их не было и до начала зависимости.

При этом на все маневры у дезоморфиновых наркоманов есть год-полтора.

— Друзей никого не осталось, все померли, — говорит Яна. — Человек 20 уже. А мы водой колемся, то есть разбавляем серьезно. Потому и живы еще. Три года живы, представляешь?

Перерыв. Курят.

— А вот «Битва экстрасенсов», — встреивает Лида, орудуя шумовкой. — Что-то такое есть, раз показывают, да? Черноволосяя такая, худая, которая всех побеждает. Тоже зависимая, я же вижу.

Лида жарит вареную колбасу. Катя начинает прибираться — подметает тряпкой пол, стряхивает со стола пепел, приносит воду из ванной. На нее ворчат, ее гоняют. «Ну люблю я это дело: чистота, дисциплина, — ворчит по-хозяйски. — Что теперь?»

Яна разговаривает по телефону:

— Ольгин Андрюха умер. Про Андрюху слышала? Знаешь тоже. Да, да. С пьянки, говорю. Угу. Вот так вот. Кушать готовим. А че ты одна?

Паша задумчиво разглядывает татуировку на предплечье — карты, водка, нож. «Лазером выводить. Или дешевле наколоть сверху кельтский орнамент. Ну, кельты, немцы».

Яна тоже хвастается — на животе изогнутая линия, «знак благополучия».

— Я на героине была когда, хотела с дочкой поехать на море, — говорит Яна. — Совсем никогда не видела моря, представляешь?

Сырье кончилось, деньги тоже, и Катя и Лида уходят воровать. Супермаркет через дорогу, очень удобно. Берут 5 кусков сыра — выбирают подороже, но в сумме до тысячи, чтобы без уголовной ответственности. Сыр тут же продают в маленький магазинчик напротив, где Катя утром брала сигареты в долг. Продавщица берет сыр без вопросов, отсчитывает полцены.

Еще в супермаркете Катя берет зеленые пинеточки — для племянницы.

— Как все начиналось? А никак. У нас соседка торговала маком — чеками по 10 рублей, — рассказывает Яна. — И попросила меня с ее дочкой на доставку съездить, проследить, чтобы та ничего из партии не взяла, себе не варила. А мне 15 лет, я даже не пила. Боялась начать колоться... Ну, Наташа перед конечным пунктом идет на хату с пацанами. И отщипнула мазик большой у чека. Я тоже начала просить. Парни такие: нет, нет, ты что. А Наташа говорит: пускай лучше один раз попробует. Сделала пять точек. С ног все пошло вверх. Успокаиваться начала. Потом добавили димедрол во второй раз... Наташка говорит: тебе п...ц, если узнаю, что кроме меня ты еще где-то колешься. Но я нашла, где колоться. В соседнем подъезде, Сережа, 30 лет. Там и употребляла. Ходила по квартирам, сахар одалживала, до 5 кг набирала и шла на рынок торговать. Он у меня 50 рублей берет, один чек мне делает, 4 себе оставляет. Потом поймали меня, припугнули лечением. Потом снова поймали, и я уже села.

...После рождения дочки Паша пьяный приходил, я скандалила. А мы с Лидой друг про друга знали, что зависимые. И однажды Паша с работы пришел, и Лида ему рассказала, что я колюсь. А потом Паша сам начал колоться.

— Мне было обидно, что она на него орет, а сама вмазанная, — говорит Лида.

Они доброжелательно смотрят друг на друга. Как будто вспомнили что-то хорошее.

— Я буду ставить реакцию, — говорит Лида твердо. — Я сама.

— Я ставлю, — говорит Паша. — Вышла из кухни быстро.

— Сам иди к чертям.

— Да задохнись ты, овца тупорылая!

Лида уходит в комнату плакать.

Реакция – самый ответственный момент в варке. Лида считает, что Паша переваривает, и крокодил получается слабым.

Комната Лиды совсем узкая. Диван, книжная полка. Донцова и Полякова, «Герой нашего времени», «Я – вор в законе», Дэвид Карнеги «Как выработать уверенность в себе и оказывать влияние на людей» – зачитанная.

Тут же – фотоальбом. Листает.

Лида в моряцкой форме – в экономическом училище поздравляли мальчишек с 23 февраля. Пустырь, многоэтажки вдали, 15летняя девочка в синем свитере свесила ногу с велосипеда. Тоненькая как тростиночка Яна обнимает огромного Пашу. Паша смущается. Шашлык за городом, пиво и пацаны в траве. Родственники, застолье.

Я все пытаюсь уловить момент перелома. Где все поменялось. Но его нет. Люди на фотографиях счастливы.

Вот Лида, располневшая и гордая, скатывает с горки мальчика в желтом комбинезоне. Рядом хохочет светловолосая женщина с лупоглазой дочкой на руках.

— Это Тоня, подружка детства у меня была, — говорит Дина. — Варила тоже, приходила сюда постоянно. А умирала в больнице, менингит. От крокодила тоже. Уходила ведь без шапки, в тоненькой куртке... Я когда к ней приехала в последний раз, у нее нога опухла очень, она в пах кололась. Высохла вся, а такая здоровенькая была, видишь? А ее мать не хотела отпускать, мать ее бухает, так она через форточку вылезала ко мне. Приехали к нам, сварили, утром я ушла на работу, я тогда на рынке работала. Заперла ее. Паша должен был с деньгами приехать, выпустить ее... Потом знакомые ее видели в больнице уже. В реанимации очнулась, поела и умерла.

— Это я первая попробовала крокодил. Не Яна – я, — говорит Лида. — И тропик я тоже сюда принесла. Просто чтоб ты знала.

— Ян, ты кури. Или давай забычкую.

У Яны, наконец, получилось – она откинулась на батарею и спит. 20 минут сна. 4 часа в сутки при лучшем раскладе.

Паша подходит и тихонько тянет зажженную сигарету у Яны изо рта. Яна сжимает зубы и судорожно затягивается, не просыпаясь. Паша стоит рядом и держит сигарету, чтобы она докурила. Аккуратно стряхивает пепел в коробок

— Мама умерла, когда мне было 6, рак желудка, — говорит Лида. — Помню ее? Смутно. Отец — 4 года назад, цирроз печени.

...Ну, бил, бил. Двоих тяжело растить-то. Пашка такой бандюган был. В 3 классе уже квартиру ограбил на 2м этаже.

— 3-й В, — улыбается Паша. — Школу тоже прогуливали, батя на работе. И у друга мама на работе, мы курить пошли к ним на балкон. Балкон на лоджии, я чего-то перелез на соседний – форточка, смотрю, открыта. Шубу с вешалки снял, за ней — сейф незапертый, там золотые украшения. В дипломат покидал... Друг сапоги детские с антресоль достал, а я шубу. Почему мусора поняли, что ребенок крал – детский размер сапог...

Тот район — Шаповское – сейчас вспоминают, как потерянный рай. «Сейчас цивилизованный стал. Раньше – пески, пустыня. Никто туда ехать не хотел. Сейчас там и квартиры дорогие, и парк». Ту квартиру продали 5 лет назад, купили эту – дешевле. Яна в придачу получила комнату в поселке под городом. Комнату сдают, и 5 тысяч немного покрывают общие нужды.

Теперь им в Шаповское вход заказан. Местные менты выловили Яну на притоне и пообещали, что если поселковых тут увидят, «на тюрьму поедете все». «Им своих наркоманов хватает, — объясняет Яна, — Такой вот территориальный признак».

Конфликты в «гнезде» возникают мгновенно.

— Кать, ты взяла мою новую инсулинку?

— А где моя-то?

— Задохнитесь обе, — выдыхает Паша.

— Извиняюсь, — Катя нашаривает пропавший шприц под стулом.

— П...а ты, — отвечает Лида. — Вичовая, и шприцы путает.

Начинают делить тропик. Тропик остался только у Яны, но она не хочет наливать его остальным больше чем на пять точек.

— Ну хоть раз в жизни налей мне до трех кубов, — ноет Катя. — Ян, ну хоть раз.

— Яна, че ты такая? – вопит Лида. – Вот на что я куплю себе тропик, ты думала? Вот вчера — 2 пачки седала сто пятьдесят и сахар полтинник. Печенье я вообще украла. И черт с тобой, не надо мне твоего, — но продолжает внимательно следить за крохотной бутылочкой.

Яна прячет бутылочку в носок, засовывает поглубже.

— Вообще прих...шая, — говорит Паша. — Я тебе говорил несколько раз – веди себя по-человечески.

— Не тебе это мне говорить, — начинает Яна.

Они еще долго переругиваются, пока крокодил не входит в вены.

Страхов остается совсем мало. Больше всего наркоманы боятся боли. «Лишь бы чтоб виснуть, ничего не чувствовать. За этим и вмазываемся. Забываешься и все проблемы кончаются. Но когда сон ночной уходит, очень больно».

— Мне всегда тяжело из темноты возвращаться, — говорит Лида. — Я так расстраиваюсь.

— Когда воруюшь, страшно, что поймут, — вспоминает Катя. Задумывается. — Тяжелой смерти. Ножей еще боюсь. Один раз пырнули ножом. Подружку защищала, в нее метили. Шрам остался вдоль сердца, видишь. Лет 15 мне было. А это уже не нож, это шило. Сестра родная. Я трезвая была, она пьяная. Я ее из дома не пускала, поругались, подрались. Дрались на столе в зале. И откуда это шило появилось, хер возьмешь, раньше не замечала, что она какими-то средствами пользуется. Так, за волосы берет и об стену, а тут шило. Боли ничего, просто белая футболка была, а раз-тут мокрая и красная, в крови.

— И че, испугалась она? — спрашивает Лида.

— Конечно, испугалась, что заяву напишу. На колени встала.

— А еще?

— Чтоб я матери не говорила... Чтоб я придумала что-нибудь... — Катя растеряна.

— На пуповине была запутана, синяя родилась, — говорит Яна. — Потуги, схватки, таз расширяется, ребенка из тебя кидает. 2810, 52 сантиметра — высокая, в папу. Дали ей по жопке. Копия была моя. Вообще она выглядела как мама с похмелья. Вся такая сморщенная, красная, смотрит. Ее под кислород. Она покакала, но не писала, сутки не писала. Потом медсестра заходит в палату: «Радуйся, мама, пописала».

— Недавно звонила мне на мобильный, — говорит Паша. — Говорила: папа, не колись, а то умрешь. Вот зачем ребенку такие вещи говорить?

Катя молчит и курит. Лида спит на кухне — полустоя, раскачиваясь на подогнутых ногах, опираясь головой в стол.

город N, Центральная Россия

P.S.

— Хочется сделать золотую дозу, но возможности нет, — говорит Яна тихо. — Сейчас же героина не достанешь. Да и вдруг не умру. Легкой смерти хочу. Все, конечно, ее хотят, но я очень боли боюсь, понимаешь. А знаешь, случай был. У нас один старик есть на пенсии, так он на всю пенсию героина накупил, занял еще, и все — по венам. И очнулся. И жив, и еще должен остался.

Катя сползает по детскому стульчику со шприцем в руке.

— Кать, машинку закрой, — говорит Яна. — Домик (колпачок. — Е. К.) за ухом. Домик закрой.

— Паша, спать пойдем? — спрашивает Яна хрипло.

— И че?

— Ниче, просто так спросила.

Яна и Паша пытаются ввести последнюю инъекцию. Лида и Катя уже спят валиком на диване. Яна и Паша тоже то и дело засыпают с иглками в теле, просыпаются опять. На часах — 06.38, за окном темно, свет фонарей, машины.

Через неделю один из этих людей умрет — ночью, во сне остановится сердце. Другой вопреки всему сдаст анализы и попытается лечь на детокс — спастись. А имена их не важны, потому что вам на самом деле все равно.

Все фото: Анна Артемьева/«Новая газета»

Елена Костюченко, специальный корреспондент, опубликовано в «Новой газете»

Читайте также:

- **Как наркомафия захватила Украину. Забытая статистика ...**
- **Как распознать в ребенке наркомана**
- **Афганская бесконечная. Искусство странной войны**
- **Россия: смертность от дезоморфина («крокодила» ...**
- **Как побороть наркоманию?**

 Share 0

Читайте «Аргумент» в [Facebook](#) и [Twitter](#)

Если вы заметили ошибку, выделите ее мышкой и нажмите **Ctrl+Enter**.

Коментарі

ВІДЕО

Воїни «Альфи» СБУ — ТОП-1 серед підрозділів Сил оборони за результатами бойової роботи у квітні

Про що не можна було жартувати в СРСР

HEAVY SHOT, VAMPIRE, NEMESIS: як «Баба Яга» б'є ок*пантів

[Головна](#) [Про сайт](#) [Опитування](#)

© 2011 «АРГУМЕНТ»

Републікація матеріалів: для інтернет-видань обов'язковим є пряме гіперпосилання, для друкованих видань – за запитом через електронну пошту. **Посилання або гіперпосилання повинні бути розташовані при використанні тексту - на початку**

використовуваної інформації, при використанні графічної інформації - безпосередньо під об'єктом запозичення. При републікації в електронних виданнях у кожному разі використання вставляти гіперпосилання на головну сторінку сайту argumentua.com та на сторінку розміщення відповідного матеріалу. За будь-якого використання матеріалів не допускається зміна оригінального тексту. Скорочення або перекомпонування частин матеріалу допускається, але тільки в тій мірі, якою це не призводить до спотворення його сенсу.

Редакція не несе відповідальності за достовірність рекламних оголошень, розміщених на сайті, а також за вміст веб-сайтів, на які дано гіперпосилання.

Контакт: uargumentum@gmail.com